

Кулясова А.А., Кулясов И.П. Российская национальная добровольная лесная сертификация (на примере ЗАО «Вожегалес» и поселка Кадниковский Вологодской области) // Spectrum: Экология в Северо-Западном регионе России. - СПб: ТЭИА. - Февраль 2005. (на правах рукописи) <http://www.spectrum.net.ru>. (29550/2=14775)

Кулясов Иван Павлович, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ, Санкт-Петербург)

Кулясова Антонина Алексеевна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ, Санкт-Петербург)

Российская национальная добровольная лесная сертификация (на примере ЗАО «Вожегалес» и поселка Кадниковский Вологодской области)

Введение

В мире в последние 10 лет активно развиваются международные и национальные системы добровольной лесной сертификации (ДЛС). Наиболее значимыми в мире являются международные ДЛС по системе Лесного попечительского совета (FSC), Панъевропейская система (PEFC), а также национальная система ДЛС США (SFI). Кроме того, существуют различные национальные системы ДЛС, они развиваются в США, Канаде, Финляндии и других странах. В России из международных систем ДЛС пока продвигается только FSC. Кратко остановимся на этой международной системе, потому что именно она оказывает влияние на развитие национальных систем ДЛС, в том числе и российской (Cashor, 2002; Cashore, Auld, Newson, 2004; Тысячнюк, 2003а; Тысячнюк, 2003б; Кулясов, 2004; Кулясова, Пчелкина, 2004).

FSC это международная экологическая негосударственная (некоммерческая) организация (МЭНГО), образованная в 1993 г. по инициативе WWF. FSC разработала международные стандарты и принципы устойчивого лесопользования. Национальные группы по FSC-сертификации в разных странах адаптируют общие принципы FSC для своей страны и вырабатывают стандарты с учетом национальных законов. Стандарты FCS предусматривают: экономически эффективное лесопользование; экологически щадящие технологии лесозаготовки, обязательное лесовосстановление после рубок; социальные гарантии для работников; соблюдение прав местных сообществ; общественное участие.

Принципы FSC-сертификации были поддержаны экспортерами и потребителями лесоматериалов, а также такими ведущими промышленно-торговыми ассоциациями как Всемирный Альянс по Устойчивому Производству Лесной Продукции (Sustainable Forest Products Global Alliance – SFPGA) и Глобальная Лесная и Торговая Сеть (Global Forest and Trade Network – GFTN). Также продвижение FSC-сертификации осуществляется такими МЭНГО, как Гринпис, Альянс по защите Дождевых Лесов (Rain Forest Alliance

–RFA), которые представляют собой сеть, включающую также региональные и местные экологические и другие НГО, ассоциации, объединения и группы.

Поэтому отметим, что система FSC выражает интересы третьего сектора – организаций гражданского общества. Система FSC стала их ответом на необходимость перехода к устойчивому развитию. Другие системы ДЛС появлялись как ответ со стороны бизнеса на проблему перехода к устойчивому лесопользованию и как конкурентные FSC системы. Это утверждение актуально и для России.

В данной статье мы расскажем, как действует международный механизм продвижения ДЛС, опишу инициативу создания российской национальной ДЛС, почему она возникла, как она соотносится с системой FSC. Строго говоря, сравнивать эти две системы пока проблематично, так как FSC уже реально существует несколько лет в России, а российская национальная ДЛС пока находится в стадии разработки и апробирования. Тем не менее, одно предприятие уже сертифицировано по системе национальной ДЛС, поэтому на уровне изучения частного случая, а именно сравнения влияния национальной ДЛС на экономику, социум и экологию можно сделать некоторые выводы и прогнозы последствий развития национальной ДЛС в России.

Статья подготовлена по материалам исследований, проведенных качественными методами (case study) экосоциологами ЦНСИ в ходе проекта «Межсекторальное партнерство в российских лесных поселках» (2004-2005). Примером взято единственное пока в России лесное предприятие – ЗАО «Вожегалес», прошедшее национальную ДЛС. Контекстом случая на местном уровне является поселок Кадниковский Вожегодского района Вологодской области. Экспедиции в город Вологду и поселок Кадниковский были осуществлены в сентябре и декабре 2004 года. Проводилось наблюдение, велись путевые заметки, было взято 12 тематических интервью у руководства холдинговой компании «Вологодские лесопромышленники» и ЗАО «Вожегалес», местной интеллигенции и населения. Также изучались научные публикации, материалы ЗАО «Вожегалес», 2-х российских национальных систем ДЛС, СМИ и Интернет. Авторы выражают благодарность всем, кто помог ему провести исследование.

Механизмы действия систем ДЛС

В настоящее время западные рынки являются экологически чувствительными. Это произошло под влиянием МЭНГО, которые проводят протестные кампании, и таким образом конструируют социальные (экологические) представления у оптовых покупателей лесной продукции и изделий, включающих древесину, также в это включены и жители местных сообществ, то есть конечные потребители (Castoriadis, 1987). Задача МЭНГО заключается в том, чтобы институционализировать в развивающихся странах и странах с переходной экономикой практики устойчивого лесопользования и технологии, отработанные в развитых странах. В России МЭНГО используют международные рынки для давления на российских экспортеров круглого леса и лесной продукции.

Как же это происходит на международном уровне? Международные сети МЭНГО (WWF, Гринпис, RFA и др.) действуют сначала через организацию бойкотов потребителей и продавцов конечной продукции. Затем вступают в диалог с лесными компаниями и создают партнерства с крупными корпорациями (ИКЕЯ, Хоум Дипо). Также вступают в партнерства с финансово-промышленными группами (Всемирный Банк, Сити Групп). Большую роль при этом играет их взаимодействие с международными благотворительными фондами.

Бизнес (промышленный), со своей стороны, под давлением международных сетей экоНГО через свои ассоциации инициирует системы ДЛС, вводит правила устойчивого лесопользования. Затем происходит цепная реакция внутри бизнеса. В процесс ДЛС включаются финансовые группы, которые разрабатывают новые критерии инвестиционной политики с учетом устойчивого лесопользования (Всемирный Банк, Банк Америки, Сельскохозяйственный Банк Канады, ряд европейских банков).

Как же это происходит на национальном уровне? Международные экоНГО (национальные офисы WWF и Гринпис) организуют и проводят бойкоты продукции и акции прямого действия в Европе и США у национальных офисов бизнес структур и филиалов международных корпораций, которые участвуют в покупке-продаже леса и изделий из древесины. Затем идут переговоры между МЭНГО и компаниями-поставщиками, в результате которых хозяева лесных компаний выделяют средства и на местном уровне происходит ДЛС их лесных предприятий. Становится понятным, что ДЛС, даже национализируясь и локализуясь, остается глобальным механизмом, действующим в противовес глобальным негативным процессам переэксплуатации природных ресурсов. Также ДЛС это международный механизм развития демократических институтов и институтов гражданского общества, который, локализуясь в конкретной стране, приносит с собой международные экологические и социальные стандарты.

Мы видим, что в России на лесной бизнес, его работников и местное сообщество оказывает влияние некий глобальный актер – зарубежный потребитель российского леса и товаров, произведенных из него. Представления о нем здесь в России сконструированы МЭНГО и широко используются для продвижения международных экологических и социальных стандартов ДЛС. А там, на западе, МЭНГО конструируют у потребителей образы российского контекста. Но на самом деле наиболее значимым актором, продвигающим ДЛС, являются МЭНГО, головные офисы которых расположены за пределами России. Их деятельность в России осуществляют российские сети НГО, что усиливает их потенциал. В результате сети МЭНГО играют важную роль в изменении российской социально-экологической политики и оказывают влияние на социальные отношения в тех местных сообществах, на которые направлено их воздействие.

Причины появления национальной ДЛС в России

Разработка национальной ДЛС стала ответом бизнеса и государственных лесоохранных структур на активное продвижение FSC-сертификации в России. Кроме того, разработка национальной ДЛС в России стала частью политики Всемирного Банка, который в качестве глобального актора активно влияет на продвижение устойчивого лесопользования, в том числе в виде развития национальных систем ДЛС. Нужно понимать, что системы ДЛС конкурируют друг с другом, потому что ДЛС, с точки зрения бизнесменов, это тоже бизнес. По словам респондента: *«ДЛС является ликвидным нематериальным активом, который влияет как на собственно стоимость продукции, так и на капитализацию компании. ДЛС это объективное требование рынка»* (Координатор Ассоциации «Экологически ответственные лесопромышленники России», член WWF). То есть российская национальная ДЛС создавалась как конкурентная система, в первую очередь, для FSC.

Поскольку FSC выражает интересы негосударственного (некоммерческого) сектора, причем, в международном масштабе, то российская национальная ДЛС должна была выражать интересы в первую очередь российского лесного бизнеса и некоторые позиции государственных лесоохранных органов. По замыслу ее разработчиков она должна была решать

проблемы, которые возникают у лесных предприятий, желающих пройти ДЛС, но не имеющих возможности или не желающих сертифицироваться по системе FSC.

Перечислим эти проблемы. Во-первых, FSC-сертификацию может пройти и ежегодно подтверждать только крупное лесное предприятие. Цена самой сертификации достаточно большая и зависит как от количества сертифицируемых гектаров леса, так и от цен аудиторской компании. Поэтому в России таких компаний немного. Разработчиками российской национальной ДЛС подразумевается, что она будет более дешевой, и поэтому больше лесных компаний смогут сертифицироваться. Во-вторых, в России пока нет собственных аккредитованных аудиторских фирм, поэтому цены на аудит по системе FSC определяются мировым рынком этих услуг. Подразумевается, что российскую национальную ДЛС будут проводить российские аудиторские фирмы, поэтому, опять же, ДЛС будет более дешевой. Вместе с тем, при любой сертификации, кроме платы за аудит, от лесной компании требуются дополнительные расходы на изменение своих технологий и улучшение социальных условий труда. К тому же ДЛС надо ежегодно подтверждать, приглашая аудиторов. Вдобавок есть условие, что сертификат выдается только на 5 лет, то есть каждые 5 лет лесное предприятие должно заново платить за ДЛС.

Приведем мнение респондента, называющего отличительную черту ДЛС в России, хотя она, на первый взгляд, несколько противоречит мнению предыдущего респондента: *«Все российские лесопромышленники в один голос говорят: если вы на Западе хотите получать от нас сертифицированную древесину, то заплатите за сертификацию этого леса и этой компании. Тогда цена на нашу продукцию останется прежней. Это первая возможность. Есть и вторая возможность – платите больше за сертифицированную древесину. Они отвечают: нет, нам оба пути не подходят. Денег мы вам на ДЛС не дадим, и платить потом больше за сертифицированный лес не только не хотим, но и не можем. Но у них есть и другой выход: это всем им в Европе и мире договориться, и не покупать несертифицированный лес из России. Но эта их позиция вообще вызывает почти у всех наших лесопромышленников улыбку, потому что это политические и пиаровские рычаги продвижения ДЛС. Никаких экономических рычагов для продвижения ДЛС у них нет. Тогда они пытаются затащить такие положения, эту ДЛС, в наше российское законодательство, чтобы успокоить своего потребителя. И наши чиновники готовы их поддержать, потому что могут постоянно снимать с лесопромышленных компаний урожай. При таком подходе нарушается основной принцип лесной сертификации – это ее добровольность»* (председатель Совета ассоциации «Промышленники Поморья»). Но это противоречие исчезает, если учесть, что ДЛС становится бизнесом для бизнесменов только после того, как их лесные предприятия испытают на себе «зеленый пиар». Без этого предварительного действия, то есть организованного МЭНГО давления на зарубежных покупателей продукции, само лесное предприятие и его головная компания не будет вкладывать деньги и силы в любую «добровольную» лесную сертификацию.

Еще одной причиной развития национальной ДЛС в России являются системные проблемы, связанные с тем, что часть экологических требований международной ДЛС по системе FSC противоречит российским законодательным нормам. В таких случаях требуется специальное разрешение государственной Лесной службы и региональных природоохранных структур, также нужна и дружественная позиция арендодателя и государственного контролера, то есть персонально руководства лесхоза и его лесников. У лесных предприятий остается много нерешенных проблем, где международные правила

устойчивого лесопользования вступают в противоречие с российским лесным законодательством. Но большинство лесных предприятий, сертифицированных по системе FSC, сумело, насколько это было возможно, согласовать экологические принципы лесопользования с представителями лесного государственного контроля, как на местном, так и на региональном уровне, и в этом залог их успешности. Разработчики российской национальной системы ДЛС учитывают российское законодательство. Эта система как раз призвана заставить лесные предприятия более четко выполнять российское законодательство.

Национальные системы ДЛС в России

Остаемся глубоко убежденными, что роль личности в продвижении ДЛС очень велика. Личности нельзя отнести к механизму продвижения, это «душа» ДЛС. Но при социологическом анализе, если не берутся автобиографические интервью, личность фактически остается в тени, а анализируются социальные институты и структуры. Поэтому в скобках дадим ФИО тех людей, которые продвигали эти ДЛС.

Итак, в России есть «Национальная система ДЛС в России Национального Совета по ДЛС в России (Г.А. Рахманин)», которая является инициативой Союза лесопромышленников и лесозэкспортеров России (М.В. Тацюн, Г.А. Гукасян) при поддержке Департамента Лесопромышленного комплекса Минпромнауки Российской Федерации. Разработка ее началась с 2001 г., в 2004 г. проведен экспериментальный аудит и сертифицировано ЗАО «Вожегалес». И в России есть «Национальная система добровольной лесной сертификации России Российского национального Совета по добровольной лесной сертификации (А.С. Исаев), являющаяся инициативой Правительства Российской Федерации в лице Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды (В.В. Нефедьев) при поддержке Международного Банка Реконструкции и Развития. Ее разработка началась с 2003 г., стандарты в процессе разработки.

Мы видим, что разработка стандартов первой системы ДЛС поддержана российскими экспортерами круглого леса и ориентирована на аккредитацию при Панъевропейской ДЛС (PEFC). Разработка стандартов второй системы ДЛС поддержана переработчиками леса и ориентирована на аккредитацию при FSC и PEFC. В настоящее время обе системы по официальной версии в стадии слияния, так как:

1. Госстандарт отказался работать с двумя национальными системами ДЛС, поданными сначала первой инициативой, а затем вскоре и второй, то есть государственный механизм легитимизации в обоих случаях не сработал.
2. Правительство Российской Федерации требует слияния обеих инициатив, что является обязательством по займу у Международного Банка на выполнение работ по разработке и внедрению стандартов национальной ДЛС.

По неофициальной версии, слияния и взаимопонимания не происходит даже на лесных конференциях. Поэтому пока не ясно, как будет развиваться процесс слияния этих двух систем во времени и пространстве. Также не ясно, кто будет подвигать и как пройдет легитимизация российской национальной ДЛС для международного рынка?

С позиции социологии невозможно сравнивать стандарты различных систем ДЛС, хотя основные принципы имеют большое сходство, различия наблюдаются только в деталях и формулировках. Хотя во всех трех системах ДЛС есть принцип соблюдения российского законодательства, но в FSC, как уже отмечалось выше, часть экологических стандартов ведения лесного хозяйства не согласуется с действующим лесным законодательством, поэтому

эта система новационная, она стремится изменить российские стандарты в сторону международных. Национальные системы ДЛС призваны зафиксировать соблюдение российских нормативов лесопользования и лесоуправления, но ужесточить ответственность за несоблюдение, поэтому эти системы консервативные, они стремятся к синтезу всех международных систем ДЛС в рамках российского законодательства. Сравнить действие этих 3-х систем ДЛС пока нельзя, так как только первая реально действует, вторая – имеет модельный пример (ЗАО «Вожегалес»), третья – в стадии разработки. Но на уровне случаев можно сравнивать социальные, экономические и экологические последствия.

Анализ частного случая

ЗАО «Вожегалес» создано в 1997 г. на части арендной базы Митинского леспромхоза, заготавливает 300-330 тысяч кубометров в год, в штате более 700 работников. Это лесное предприятие в 2000 г. добровольно вошло в одну из крупнейших лесных холдинговых компаний в Вологодской области – «Вологодские лесопромышленники», который стал его основным акционером. Поставляет круглый лес на перерабатывающие предприятия холдинга (ЗАО «Австрофор»), а также в Финляндию (партнеры Тхоместо/Метсалиitto). Это лесное предприятие – одно из лучших лесозаготовительных предприятий Вологодской области по экономическим и социальным показателям, а также по соблюдению норм лесного законодательства.

ЗАО «Вожегалес» поселкообразующее предприятие, ранее вся инфраструктура поселка была на его балансе, теперь это по-прежнему основной работодатель и благотворитель. Поселок Кадниковский Вологодской области это типичный лесной поселок, возник в 40-е гг. 20 века, находится на железной дороге. На 1 января 2004 года в нем проживало 2179 человек (рождаемость примерно в 2,5 раза ниже смертности, около 700 пенсионеров и 500 детей, остальные – трудоспособные).

Как мы уже говорили, инициатива национальной ДЛС ЗАО «Вожегалес» исходила от разработчика (Национального Совета по добровольной лесной сертификации в России) и Ассоциации лесопромышленников и лесозэкспортеров России. Холдинговая компания «Вологодские лесопромышленники» как член Ассоциации лесопромышленников и лесозэкспортеров России «дали добро» на ДЛС ЗАО «Вожегалес», но сами в этом процессе больше участия не принимали. Разработчиками ДЛС для ее прохождения была предложена аудиторская компания «Рослесаудит», которая затем напрямую общалась с ЗАО «Вожегалес». Преаудит прошел в феврале 2004 г., аудит начался в апреле 2004 г., сертификат выдан в сентябре 2004 г..

В процессе национальной ДЛС аудиторы изучили документацию ЗАО «Вожегалес» и подробно опросили представителей профсоюза, администрации поселка Кадниковский, местной интеллигенции, рабочих и жителей. Предусловий не было, так как изначальный уровень лесопользования у этого лесного предприятия был высок. Такой уровень объясняется тем, что параллельно шел контроль со стороны финских экспортеров (соблюдение лесного законодательства, легальность древесины, соблюдение экологических требований, соблюдение охраны труда).

Сертификат дали с рядом рекомендаций по улучшению деятельности, в соответствие с которыми руководством ЗАО «Вожегалес» был составлен план их внедрения. Стоимость национальной ДЛС для лесного предприятия была символической, в отличие от FSC, так как не было затрат на выполнение предусловия и было софинансирование со стороны разработчиков национальной системы ДЛС в виде труда специалистов, получающих зарплаты в своих научных организациях.

Во время экспедиций было выяснено, что благодаря опросу аудиторами представителей местного населения и интеллигенции, жители знают, что ЗАО «Вожегалес» имеет лесной сертификат, но не знают, что им это дает и к чему обязывает. Также директор ЗАО «Вожегалес» и руководители холдинговой компании «Вологодские лесопромышленники» не понимают ясно, что им дает и к чему обязывает российская национальная ДЛС. Они надеются, что это «*оградит их от зеленых*» и «*поднимет цену продукции*». Но наши исследования, изложенные в других номерах настоящего журнала, показали, что такие надежды не совсем оправдываются, потому что поднимается доход, устойчивость и имидж сертифицированного предприятия и головной компании, если условия ДЛС выполняются не формально, а буквально. А от зеленых спасения недобросовестным лесопользователям не будет, как ни маскируйся. Наоборот, к сертифицированному лесному предприятию со стороны зеленых будет больше внимания, чем к не сертифицированному. И в случае добросовестного лесопользования именно они будут увеличивать капитализацию компании, продвигая за свой счет ее имидж, формируя и каждый раз воспроизводя своими акциями и деятельностью экологически чувствительные рынки.

Но пока отношение к зеленым, особенно к Гринпис, у руководства сертифицированных лесных компаний достаточно напряженное. Если им задается вопрос, а бывали ли здесь зеленые из Гринпис и как вы с ними взаимодействуете, они бормочут что-то типа «свят-свят» или «чур меня», стучат костяшками пальцев по дереву для «отвода нечистого», а вслух говорят: «Не знаю, не помню, да и вспоминать не хочу их лишней раз» (один из руководителей ЗАО «Вожегалес»). Другой респондент вспоминает первую встречу с представителем Гринпис так: «Приехал в прошлом году из Москвы Гринпис, я ему предлагаю чай-кофе, а он отвечает, что с врагом природы пить не будет. Потом посмотрел на наше лесопользование, остался очень довольным, даже пива согласился со мной выпить» (один из руководителей холдинговой компании «Череповецлес», два предприятия которого сертифицированы в 2004 г. по системе FSC). В поселок Кадниковский в контору ЗАО «Вожегалес» с 1996 г. (год образования этого лесного предприятия) ежегодно приезжает представитель Гринпис, который выглядит как зеленый чиновник, и подписывает соглашение о продлении моратория на рубки в лесах, «которые они (зеленые) считают ценными». А перед этим в этих лесах появляются наблюдатели от Гринпис, которые выглядят как туристы.

Есть надежда, что в результате национальной ДЛС ЗАО «Вожегалес» составит долгосрочный план своего развития на 49 лет, что позволит не только выделить особо ценные участки леса, но и перевести их в леса первой группы. А пока предполагается изменить технологии лесозаготовок (холдинговая компания «Вологодские лесопромышленники» готовы это инвестировать), будут закуплены импортные лесозаготовительные машины, поэтому много сотрудников останется без работы, а программы их трудоустройства у руководства ЗАО «Вожегалес» и местной администрации нет. Хотя аудиторами дана рекомендация развивать лесопереработку и переработку отходов лесопиления, и туда трудоустраивать сокращенных работников, но холдинговая компания «Вологодские лесопромышленники» не будут это делать, так как в 50 км в городе Харовске есть деревообрабатывающий завод, входящий в этот холдинг и имеющий соответствующие мощности. Поэтому нами на основе проведенных исследований процессов ДЛС и экологической модернизации сделан вывод, что среднесрочные последствия планируемого развития ЗАО «Вожегалес» и поселка Кадниковский Вологодской области сделают это лесное предприятие и их хозяев, холдинг «Вологодские лесопромышленники»

социально безответственными в глазах местного населения, администрации, зеленых и их зарубежных партнеров.

Но в настоящее время последствия национальной ДЛС ЗАО «Вожегалес» дали положительный результат – были осуществлены мероприятия, которые руководство до ДЛС задерживало – произошло обучение по охране труда и аттестация руководителей предприятия; уточнен план по охране труда; произошла аттестация рабочих мест по условиям труда; доработаны карты на проведение лесосечных работ в соответствии с требованиями по охране труда и технике безопасности. К этому можно добавить, что строятся 2 новых дома для семей работников.

Для экологии леса пока ничего не изменилось, так как требования к лесопользованию и так соблюдались. Также не изменилось взаимодействие с социальной сферой поселка Кадниковский, хотя аудиторами было рекомендовано составить долгосрочную (на 49 лет) программу развития лесного предприятия, направленную на укрепление социальной устойчивости. То есть, кроме экономической и экологической программ, поставлена задача выработать совместно с муниципалитетом социальную программу, а также профсоюзу рекомендовано создать систему общественного контроля в сфере оплаты труда работников. Думаем, что все это предстоит сделать ЗАО «Вожегалес» и холдинговой компании «Вологодские лесопромышленники» в течение 2005 г. до очередного приезда аудиторов. А, насколько хорошо они с этим справятся и будет ли организовано ими настоящее общественное участие, пока трудно сказать.

Но необходимо отметить, что в поселке Кадниковский высокий потенциал развития гражданского общества. Кроме стандартного набора социальных НГО (профсоюза, ветеранов, инвалидов, женсовета) и политических (младоединороссов и др.), в большинстве поселков Вологодской области, в том числе и в Кадниковском, появились активные представители достаточно независимой НГО «Молодежный парламент», которая работает практически по всем направлениям, включая и экологическое. Также в поселке действуют 2 экоклуба («Планета загадок» и «Мы – друзья природы»), которые насчитывают более 50 детей и взрослых и реализуют программы экологического воспитания и просвещения. Кроме того, существуют целевая комплексная программа «Экология, библиотека, образование» (2003-2004) для целенаправленного экологического просвещения всех групп населения и план мероприятий Кадниковского сельсовета по формированию здорового образа жизни среди населения (2005), включающий экологические мероприятия. Мы считаем, что вовлечение руководством лесного предприятия и холдинговой компанией населения и общественности в обсуждение и принятие плана развития ЗАО «Вожегалес» может дать положительные результаты всем сторонам этого процесса.

Но опыт показывает, пока МЭНГО или российские экоНГО не дадут этому процессу толчок, никакой активизации межсекторального диалога не произойдет. В лучшем случае план развития лесного предприятия будет формально принят на профсоюзном собрании (решение будет запротоколировано для отчетов и презентаций). Но, возвращаясь к роли личности руководителя предприятия в истории предприятия, можно также предположить, что события пойдут по сценарию модельных лесов, тем более, что вся информация для организации этого есть и в Интернет, и в различной литературе. Если бы первый случай российской национальной ДЛС также стал модельным, то вся российская лесная промышленность только бы выиграла, не говоря уже о российском правительстве.

Выводы

Исследования на основе частного случая ЗАО «Вожегалес» и поселка Кадниковский показывают, что российская национальная система ДЛС:

- 1) Не легитимна на международном уровне, но может служить основой для ДЛС по международным системам. Пока не легитимна на национальном уровне, но может быть легитимизирована через создание промышленных ассоциаций, куда входили бы сертифицированные по этой системе лесные предприятия, финансовые структуры, государственные природоохранные структуры, экологические и другие партии, и, конечно же, НГО.
- 2) Ориентирована на сертификацию лучших лесных предприятий, призвана поднять их статус и легитимизировать для внешнего и внутреннего рынка, но механизм этой легитимизации пока не разработан. В настоящее время ДЛС продвигается правительством РФ и поддерживается частью лесопромышленников (лесоэкспортерами), но у них нет четкого ответа, что национальная ДЛС может им дать и к чему обязывает.
- 3) Не связана напрямую с работой третьего сектора и, в отличие от FSC, не дает местному сообществу механизмов развития гражданского общества.
- 4) Но, копируя международные системы, предусматривает прозрачность деятельности лесного предприятия для общественности, более того, такое взаимодействие воспринимается и руководством предприятия, и аудиторами как заслуга. Также предполагается обязательное наличие и бесконфликтные отношения с профсоюзной организацией. Если добавить к этому обязательное вовлечение общественности, местного самоуправления и населения в составление долгосрочных планов развития лесного предприятия, включая выработку экономически эффективной, социально и экологически устойчивой политики, то можно заключить, что хорошее выполнение условий национальной ДЛС лучше плохого выполнения условий FSC.

Литература

- Кулясов И. Экологическая модернизация: теории и практики. - СПб: НИИХ СПбГУ. - 2004.
- Кулясова А., Пчелкина С. Преломление глобальных процессов в конкретной локальности (на примере пос. Малошуйка Архангельской области). // Спектрум: Экология в Северо-западном регионе России. - СПб: ТЭИА. - Апрель 2004. - №4. - (<http://www.spectrum.teia.ru>).
- Тысячнюк М. Международные экологические общественные организации: акторы экологической модернизации в лесном секторе России. // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США. - Ред. Тысячнюк М., Кулясовой А., Кулясова И., Пчелкиной С. СПб: НИИХ СПбГУ. - 2003а. - с. 8-25.
- Тысячнюк М. Деятельность WWF по созданию модельных лесов в России. // Экологическая модернизация лесного сектора в России и США. - Ред. Тысячнюк М., Кулясовой А., Кулясова И., Пчелкиной С. СПб: НИИХ СПбГУ. - 2003б. - с. 25-72.
- Castoriadis C. The Imagery Institution of Society. - Cambridge, MA: MIT Press. - 1987.
- Cashor B. Legitimacy and the privatization of environmental governance: how non state market-driven governance systems gain rule making authority. // Governance Journal. - October 2002. - No15.
- Cashore B., Auld G., Newson D. Governing Through Markets: Forest Certification and the Emergence of Non-state Authority. - New Heaven: Yale Univ. Press. - 2004.

(Вологда-Санкт-Петербург, ноябрь 2004 – январь 2005)